

УЛИЦЫ вокруг площади запружены. Съезжаются грузовики, мотоциклы и даже троллейбусы. Что заставило всех этих людей в новогоднюю ночь бросить уютный дом, праздничный стол и добираться со своим шампанским через весь город сюда, под звуки заздравной из «Гравитации»? Почему 9 мая и 22 июня плачут здесь совсем незнакомые люди разных возрастов, разных поколений? Неужели только оттого, что гремит над ними высоко и скорбно «Бухенвальдский набат»?

Сотни — вместе — постигают они чувство цельности, необъятности и красоты человеческой, все — по-разному, но одно и то же. И уже не море людей на площади, а один, чуткий и живой организм. Альпинисты говорят — там, на покоренных вершинах, приходит этот восторг перед миром.

Я не знаю, как простыми словами сказать о художнике, заставляющем нас испытать это чувство здесь, на городской каменной площади...

Викторас Купрявичюс подходит к колокольне, больше всего похожей на шахматную ладью; маленькая дверь, высокая лестница. Шаг за шагом. И теперь уже видно, что человек этот совсем не молод.

Всю жизнь он делал самое важное и нужное и всегда не любил про это говорить. Сейчас он мог бы купаться в благовониях почестей, но посмеивается:

— Я что? Ничего особенного не сделал — написал парочку безделушек. Ну, оперы для детей писал, ну, балетик. Песенки, пьески.

Действительно, как бы почтители колокольной музыки ни относились ревностно к деятельности В. Купрявичюса, мне кажется, чувствовать его надо было гораздо раньше, когда без особой поддержки и

средств он занимался по своей собственной системе с обычными детьми, в обычной общеобразовательной школе. И эти «негениальные» мальчишки и девочки без налета вундеркиндов, но с отчаянно исцарапанными коленками вдурт позвонили музыку. И не просто запели — а в своей школьной опере, и не просто затанцевали, а закружились в пунтах. Пусть не стали они музы-

кантами, но уже никогда с тех пор не проходят мимо музыкального магазина, не пропускают концертов и учат этому своих детей.

А сотни маленьких зрителей, восторженно аплодировавших на спектаклях Виктораса Купрявичюса в каунасских театрах! А та девочка, у которой природа отняла зрение, но одарила сильным гибким голосом. Композитор подарил ей песню, и они вместе записали ее на пластинку. Пусть не стала девочка знаменитой певицей, но вышла из темноты в свет ясной и простой музыки.

— Я, знаете ли, не новатор, — улыбается композитор. — Я люблю, чтоб мелодия запоминалась. Чтобы мурлыкали ее, выходя из зала. А когда много шуму, — устал я, знаете ли...

Хитрит! Огромная физическая работа — передвигать рычаги на пульте-клавиатуре, управлять колоколами. Даже Гедриус, сын, и то устает. А играет он редко — по праздникам или когда отец хворает. Любит ли колокола? Конечно, но, ведь мальчишкой еще помогал их налаживать, сам инструментовка делал, пишет спе-

циально для этого своеобразного инструмента.

Пожалуй, он один и пишет по-настоящему. Почему-то композиторов колокола не привлекают. Слушателей со всех концов стягивают, кинематографистов, и тех — недавно целый фильм «Захар Беркут» озвучили, а вот с композиторами — беда.

Вообще, непонятного хватает: записали в прошлом году пла-

вы помните, здесь штаб каунасских музыкантов. Тербит театр — Гедриус много писал и пишет для драмы. Последняя работа — музыкальное оформление спектакля «Барбора Радвилайте». Надо ехать в Вильнюс — в филармонию премьеры нового вокального цикла, пожалуй, самая любимая область камерной музыки. Есть большая, незаконченная еще работа, изматывающая нервы. Все,

что накоплено за 28 лет, хочет он высказать этим фортепьянным циклом. Надо высказать, надо! Жизнь так богата впечатлениями! Если не перемелешь их в себе, не выстонешь, не отдашь — захлебнешься.

Музыку Гедриуса хорошо знают в стране. Он очень молод, но уже зрелый, авторитетный композитор. А главное — бывает так, смотришь на человека и видишь — талантлив! Передасть это по частям невозможно — целостное впечатление.

Вот Гедриус — он новатор. Мыслитель и борец. Начав импровизировать в четыре года, в десять писавший свои первые многоголосые фуги, он и сейчас любит импровизацию как проявление вдохновения. Гедриус дает специальные вечера, и народу набивается столько, что приходится ставить дружинников у дверей. Пусть это сейчас сенсация — лучше такая сенсация.

— Три раза придут, потому что модно, — говорит Гедриус, — а на десятый — поймут.

Он, как и отец, любит педагогическую работу, выкраивает время для своих учеников в музыкальной школе. И, как

ВОСКРЕСНЫЙ РЕПОРТАЖ

отец, он любит мелодию, потому что без мелодии, без темы — считает Гедриус — музыка становится математикой. И хотя математике нельзя отказывать в изяществе — это все-таки не искусство. Между прочим, позиции эти иногда порушают товарищи. Но висит рядом с роялем латинский девиз: «Кто уверен — не торопится!»

В кабинете старшего лет свободного места. Его можно разглядывать неделями. Здесь и свитки поздравлений, перевязанные лентами, и значки — тысячи значков со всего света, подаренных после концертов на площади. И, конечно же, — колокола. Медные и стеклянные, золотые, серебряные, маляновы. Колокола-молчуны и позвякивающие елочные игрушки. И дарственные, дарственные, дарственные. Горячие слова о красоте, приглашения приехать.

...А в уголке памяти — пустой еще кабинет, дни и ночи труда в башне и маленький Гедриус, изо всех сил нажимающий на тяжелые педали...

РЕЗКО очерчена геометрия площади. Люди слушают, запрокинув головы. Сверху мягким лучом спускаются звуки Лунной сонаты Бетховена. Можно и не смотреть вверх, все равно мерло падает и обволакивает мелодия. Но люди слушают, запрокинув головы, и аплодируют, вытянув вверх руки. Пусть увидят эти двое в башне — отец и сын — их благодарность. Пусть увидят...

С. ШИШКУТЕ.

КО-ЛО-КО-ЛА

«КОМСОМОЛЬСКАЯ ПРАВДА»

Вильнюс

18 MAR 1973